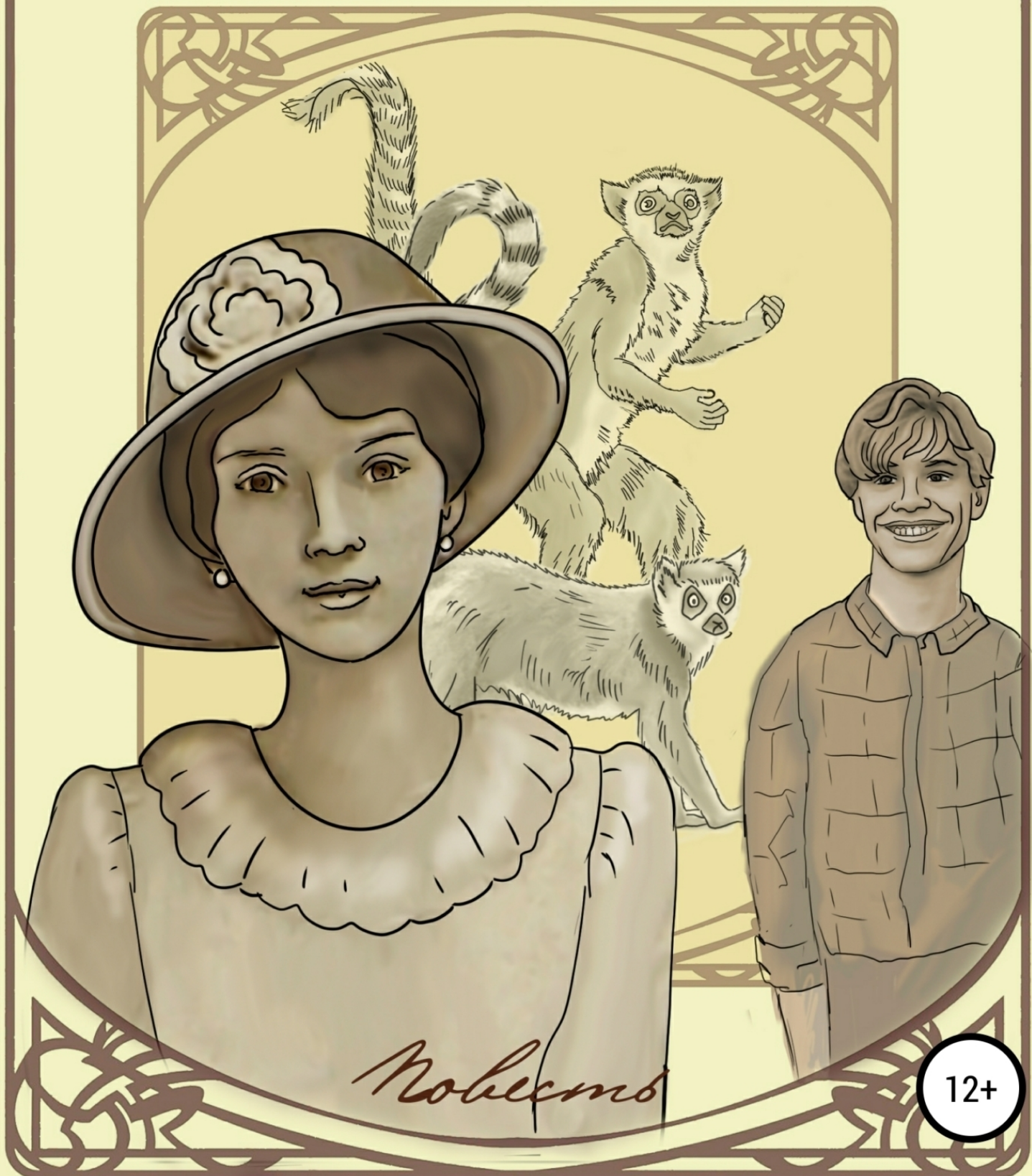

ЮРИЙ ЕГОРОВ

ЛЕ МУРЫ

Новелла

12+

Юрий Егоров

Лемуры

«Автор»

2018

Егоров Ю.

Лемуры / Ю. Егоров — «Автор», 2018

Клеменси скучно в конторе своего отца. Он заводит дружбу со старым моряком и его дочерью Сашей. Из рассказов моряка мальчишка узнает о Мадагаскаре и лемурах. Так появилась мечта увидеть этих необычных красивых животных. Недовольный поведением Клеменса отец отправляет его в другой город к дяде, которого все называют "мертвым человеком". Что будет дальше, исполнится ли мечта Клеменси увидеть лемурув и встретится ли он с Сашей, вы узнаете из повести.

© Егоров Ю., 2018

© Автор, 2018

Юрий Егоров

Лемуры

1.

В уютном приморском городке Фишхаузен июльским утром 1865 года в семье Георга и Ханны родился мальчик, которому дали имя Клеменс. Фрау Ханна ждала девочку и по причине своего суеверия соблюдала специальные обряды. Накануне родов женщина хватилась пропажи фамильного амулета и страшно расстроилась по этому поводу. Она обратилась к знакомой гадалке, и та предсказала ей страшное, что ничего не сбудется, а ребёнок принесёт семье одни беды. Фрау Ханну охватил ужас, и, возможно, от волнения ребёночек родился раньше времени и получился, по словам акушерки, беспокойным и крикливым. Мальчик оказался вторым в семье, младше своего брата Отто на четыре года.

Георг, муж Ханны, считался лучшим адвокатом на всю округу и имел знатную клиентуру. Большую часть жизни Георг прожил в Кёнигсберге, но лет десять назад, унаследовав состояние родителей, переехал в Фишхаузен и открыл собственное дело. Чтобы заполучить влиятельную клиентуру, Георгу даже пришлось перейти из католичества в лютеранство, которого придерживалась вся городская знать Фишхаузена. Там же по рекомендации пастора адвокат обратил внимание на ничем не примечательную девушку Ханну, которой давно пришла пора выходить замуж. Потенциальных женихов отпугивала её невыразительная внешность, действительно, Ханна мало походила на красавицу. Кроме того, девушка обладала непростым характером: замкнутым и недоверчивым, а главное, как полагали многие, – за неё не предлагали большого приданого. Ханна рано осталась без родителей и находилась на попечении старой тётки – владелицы небольшого доходного дома фрау Августы. Вероятно, во многом именно от неё, особы нелюдимои и суеверной, передался характер Ханне.

Георг несколько раз встречал племянницу фрау Августы, но не обращал на девушку особого внимания. Однако пастор уверил адвоката, что за кажущейся скромностью девушки, её худым, бледным и прыщавым личиком скрывается истинная добродетель, а также рассказал про значительное приданое, которое, вопреки мнению окружающих, имелось за Ханной. Георг поверил настоятелю и не прогадал. Фрау Августа дала за воспитанницей приличный капитал, как оказалось, сохранённый после смерти её родителей. Тётка не только сберегла завещанное девушке, но и приумножила приданое. Затем долго не стала собираться и без лишних хлопот отправилась в лучший мир, добавив к наследству Ханны свой доходный дом и немалые сбережения.

Выгодно женившись, Георг купил в самом центре города, недалеко от крепости, большой дом. Фасад строения искусные мастера из Кёнигсберга украсили барельефом, на котором изобразили сцену правосудия Древней Греции: дело Ореста на процессе ареопага. Дом стал украшением Фишхаузена. На барельефе Эринии получились яркими и выразительными, а Аполлон – строгим и надменным. В такой дом почитали за честь наносить визиты самые уважаемые и влиятельные жители города.

Клиентура адвоката расширилась, в том числе не без помощи пастора, и даже вышла за пределы маленького Фишхаузена, так что вести свои дела Георг нередко уезжал в соседние Пиллау и Кёнигсберг. Благодаря трудолюбию и незаурядным способностям адвокат снискал славу успешного юриста в глазах судовладельцев и промышленников, крупных торговцев и аристократов.

Ханна, помимо того что своим капиталом помогла мужу укрепиться, стала заботливой женой и хорошей хозяйкой в доме. К весомому числу её достоинств прибавилась покорность.

Адвокат обрадовался прибавлению в семействе, полагая, что сыновья, когда подрастут, станут его ближайшими помощниками и продолжат семейное дело. И вправду Отто рос прилежным мальчиком и во всём подражал отцу и даже внешне походил на него, точно молодая копия. Спокойный, рассудительный, несколько флегматичный Отто отличался хорошим правописанием и внимательностью. Вдобавок ко всему природа одарила старшего сына отличной памятью, что так важно для знания законов. Окружающие подмечали, что со временем из Отто получится хороший юрист, такой же, как и отец. Когда старший сын достиг юношеского возраста, отец начал поручать ему небольшие самостоятельные дела. Георг и Отто вместе принимали посетителей, внимательно, не упуская ни малейших деталей, выслушивали их проблемы. В комнате, оборудованной под бюро, отец и старший сын садились за работу, каждый за свой стол: Георг – за большой, а Отто – за тот, что поменьше. В полной тишине они просматривали деловые и архивные бумаги, делали выписки из документов, изучали законы. Так они сидели часами: строгие и серьёзные, а потом шли в городской суд представлять интересы клиентов. Одним словом, родители гордились старшим сыном.

А вот младший получился совсем другим, каким-то неправильным: совершенно неусидчивым и импульсивным. Всё подтверждало напророченное гадалкой. Вот как родился, таким и оставался. Родители часто спорили: в кого он такой? Даже внешне он не походил на них. Нельзя сказать, что мальчишка не унаследовал черты родителей, но все они были доведены у Клеменса до крайности. Небольшой носик матери у него словно срезан на конце. Можно подумать, что кто-то отщипнул кусочек. Серые глаза походили на отцовские, но только намного более живые и какие-то смешливые. В то время как у родителей волосы были гладкими и всегда аккуратно убранными, у младшего сына – вьющимися и растрёпанными.

С раннего детства Клеменси рос непоседой и его было невозможно удержать в доме. Все время мальчишка проводил на природе, гуляя по лесам и оврагам, и знал всех жуков и птиц. Дома, к неудовольствию родных, держал горшки и коробки, в которых жили разные насекомые. И не было во всём Фишхаузене ни одного птичьего гнезда, в которое бы не заглянул Клеменс. Мальчишка лазил по деревьям и зарослям, и из-за всех этих увлечений руки его всегда оказывались в царапинах и укусах, а сам ходил перепачканный землёй. В родительский дом Клеменси тащил разную живность – птиц с переломанными крыльями, бродячих собак,

мышей. Как-то осенью принёс старого аиста, который не мог улететь вместе со своей стаей на юг. Переполох в доме случился страшный! А тут ещё эти шесть котят, которых соседская служанка хотела утопить, а Клеменс их спас и тоже притащил домой...

Такое поведение сына весьма не нравилось Георгу, который любил порядок и считался образцовым аккуратистом. Маленькое, еле заметное пятнышко вызывало у него чувство крайней брезгливости. Адвокат с ужасом смотрел на руки младшего сына. Предметом гордости Георга считался маникюрный набор, которым он пользовался каждодневно. На письменном столе адвоката находились в идеальном состоянии все канцелярские приборы. Инкрустированные чернильницы, одна с чёрной краской, а другая – с красной, всегда наполненные, позолоченные перьевые ручки, аккуратно уложенные в ряд как на витрине магазина, и всегда под рукой находилась стопка дорогой мелованной бумаги. Всё именно так, как и положено отличному адвокату, чьими услугами пользовались все знатные жители Фишхаузена. А тут – грязные банки и жестянки с жуками и гусеницами.

А Ханну больше всего расстраивало то, что Клеменс рос неугомонным выдумщиком и обманщиком. Мальчишке невозможно было поручить какое-нибудь полезное дело. Стоило послать младшего сына к молочнице, как он пропадал на весь день и возвращался без молока и денег. Или принесёт кислое молоко. А в ответ каждый раз придумывал какую-нибудь невероятную историю. В отличие от Клеменса Отто усердно помогал родителям, и его раздражало безразличие младшего брата к делам семьи. Из-за всего этого все в доме постоянно ругали Клеменса, только совершенно тщетно. Мальчишка никого не слушал.

Не отличался Клеменс прилежанием и в гимназии, где ему всё время ставили в пример старшего брата. Клеменс не показывал способностей в грамматике, совершенно не понимал арифметику, откровенно скучал на уроках литературы и истории, а имел успехи лишь в естествознании. Хуже всего обстояли дела с поведением. Учителя ругали Клеменса за непослушание и невнимательность, так что родителей таскали в гимназию по несколько раз в месяц. Господин Георг пытался, пользуясь своим положением в обществе, как-то смягчить неприязнь учителей к младшему сыну. Только это плохо помогало, и Клеменса дважды оставляли на второй год. По этому поводу Георг и Ханна сильно горевали: что за непутёвый ребёнок им достался?

Среди учеников гимназии Клеменс не имел друзей. Учились в фишхаузенской гимназии дети из знатных семейств, которые походили на его брата Отто: такие же рациональные, прилежные и скучные. Совершенно неинтересные Клеменсу. Случалось, что сын уважаемого адвоката поколачивал иных гимназистов за их надменность. Так что Георгу не раз приходилось объясняться с их родителями.

– Раньше в Фишхаузене жил глупый герцог Альберт Фридрих. Второй глупец – мой младший сын, – в таких случаях грустно приговаривал господин Георг.

– Этого следовало ожидать, когда я потеряла фамильный амулет. И что нас ждёт с этим ребёнком дальше? – вторила ему жена.

2.

К неудовольствию родителей, Клеменс дружил с семьёй старого моряка Ханка, который вместе с дочерью Хельгой и внучкой Сашей жил на окраине городка. Их дом стоял на берегу бухты, почти у самых доков. Этот район Фишхаузена, в котором проживали пришлые и престарелые люди, рыбаки, искатели фарта и большие чудачки, считался самым грязным и бедняцким. Старина Ханк и в самом деле был странной личностью. Какой баркас его выбросил в «рыбном садке», как шутивно называли Фишхаузен, никто не знал. Появился старый моряк в Фишхаузене лет десять назад после затяжного шторма. Он быстро сошёлся с Хельгой, молодой непутёвой женщиной, ветреной подругой моряков. Ханк признал Хельгу за свою родную дочь,

хотя к рождению девочки не имел ни малейшего отношения. Они и выглядели рядом смешно: он – краснолицый, маленький и толстый, как бочонок, с широко расставленными ногами и руками, напоминавшими клешни краба, а она – бледная, худая и долговязая!

Когда-то Хельга, замкнутая и некрасивая, связалась с пришлым матросом, не то латышом, не то финном, – высоким и красивым и, по всей видимости, большим негодяем. Он нигде не работал – только спал и пил шнапс, да ещё и буянил, если Хельга его не ублажала. Женщина просвета с ним не видела, ходила в синяках. Каждую заработанную медяшку отдавала любимому тунеядцу, так за него держалась. Он это не оценил. Их семейная жизнь длилась недолго – красавчик-матрос оставил Хельгу с крохотной дочерью и уплыл в неизвестном направлении искать новое счастье. Так часто случается. Уже потом появился Ханк. Несчастливая женщина пристроилась к нему. Все думали, что ненадолго. Зачем она старому моряку, который поначалу казался грубым и невежественным? Попользуется недолго да и бросит. А получилось по-другому. Старый одинокий Ханк признал Хельгу с Сашей своей семьёй, и они стали жить вместе. Поначалу окружающие посмеивались над этим и говорили разное, преимущественно нехорошее, но со временем отношение к семье Ханка переменялось, и уже никто не смел ставить под сомнение родство этих странноватых и совершенно непохожих людей.

Многолетних сбережений Ханка хватило на покупку простого домика, состоявшего из двух крохотных комнаток и гостиной, где всем нашлось место, и они стали жить дружной семьёй так, что каждый мог позавидовать. Старина Ханк рыбачил и даже создал с помощью нескольких местных моряков что-то вроде рыболовной артели, а Хельга по утрам продавала добытый улов на местном рынке. Денег они зарабатывали немного, но на скромную жизнь им вполне хватало. Главное, что в семье установились добрые отношения и каждый нашёл то, чего ему не хватало в прежней жизни.

Саша совершенно не походила на свою мать. Красивая и любознательная девочка. Вероятно, внешне пошла в отца. Девочка рано овладела грамотой и любила читать книги. А вот спокойный характер заимствовала у матери, которую слушалась и во всём ей помогала, большую часть времени занимаясь домашними делами. В бедных кварталах много злых завистливых людей. Впрочем, даже богатые не лишены этих недостатков. Только все, кто знал эту семью, смягчались при виде Саши, признавая девочку доброй и трудолюбивой. Из тех, кто с раннего детства познал нужду, но при этом жил с открытым сердцем.

Жизнь с Ханком образумила Хельгу, и со временем молодая женщина сумела поправить свою репутацию, к тому же лучше стала следить за собой и выглядела намного привлекательней, чем прежде. Ещё сумела подружиться с соседями, людьми непростыми и даже суровыми, каких много в портовых городках, так что окружающие стали относиться к Хельге весьма благожелательно. И все признавали женщину хорошей матерью. Хельга хотя не могла дать дочери состояние и положение в обществе, но сердце женщины целиком принадлежало девочке.

Ханк, если когда прежде, как и всякий моряк, вёл непутевый образ жизни и имел неприязности со стражами порядка, создав семью, прегрешения молодости искупил полностью. Старик внимательно относился к Хельге и её дочурке, откликался на просьбы о помощи и даже стал ходить на проповеди, так что признавался прилежным прихожанином. Когда пастору требовалась помощь, он никогда не отказывал. Каждый раз, когда Ханк возвращался с моря с хорошим уловом, шёл и покупал своим «девочкам», как он их называл, небольшие подарки, а однажды купил Сашеньке изящные серёжки с разноцветными камушками. Торговки, завидев Ханка, перешёптывались, и было видно, как они завидовали Хельге.

Но в Фишхаузене о самом старом моряке по-прежнему никто ничего не знал. И вообще, старина Ханк не любил рассказывать о себе. Можно было лишь догадываться, что родом он из Штеттина, столицы Померанского края, который часто упоминал в разговорах. Из них же следовало, что в молодости Ханк занимался контрабандой или какими-то такими тёмными незаконными делишками. Не то его поймали полицейские и он бежал, а может, по какой-либо другой причине Ханку пришлось покинуть свой родной город. На одном из торговых кораблей моряк отправился в Африку и больше уже никогда не возвращался в Штеттин.

Внешне он походил на настоящего пирата. Вечно неприбранный борода, из которой торчала кривая самодельная трубка, прищуренный левый глаз, как бы с хитринкой, грубый красный нос и яркий красный платок вокруг головы. Чёрные с заметной проседью волосы спускались ниже плеч, а из уха торчала большая серьга, сделанная из кости какого-то животного. Его небольшой рост подчёркивался сутулостью и странной походкой, которая, впрочем, у всех моряков. Смуглый, в каком-то древнем, хотя и крепком, дорогом камзоле, который очень ценил, и парчовых штанах с большими ровными латками на коленях и высоких кожаных сапогах. На пальцах каждой руки у старого моряка имелось по два больших перстня с цветными грубыми камнями. Раньше Ханк носил и пятый перстень, самый красивый, но продал его, когда покупал дом. А на голову «пирата» поверх платка была нахлобучена какая-то странная огромная потерявшая цвет шляпа, каких в наших местах нет ни у кого. Эту шляпу Ханк надевал и в жару, и в холод. Да, самое главное: на его волосатой груди синими чернилами была наколота большая картинка. Высокая гора, пальма, по обе стороны от которой какие-то два чудных зверька, морской берег. А под картинкой имелась надпись: *Libertalia*.

Стоило старину Ханка угостить крепким пивом, как он, смачно потягивая пенный напиток и периодически попыхивая в свою трубку, начинал вспоминать о разных странах и городах, в которых побывал. Дети заслушивались его историями о морях и океанах, дальних путешествиях и приключениях.

Больше всего старый контрабандист рассказывал о Либерталии, свободной республике на острове Мадагаскар, в которой прожил несколько счастливых лет.

3.

Оказался я там случайно. На «Фризии» под командованием бравого капитана Фаса Ленстра мы шли в Голландскую Индию, но в районе Коморских островов неожиданно налетели на рифы, получили две огромных дырки в днище нашей никчёмной посудины и для ремонта вынуж-

денно повернули в сторону – к Либерталии, единственному месту в этой части Африки, куда можно пришвартоваться, не рискуя столкнуться с англичанами или французами. Хорошо, что стоял тихляк, то есть штиль. Так тихоненько и добрались. Пока гребли к Либерталии, вся команда, включая офицеров, и днём и ночью, не зная отдыха, вычерпывала из трюма воду. В другом случае матросы подняли бы бунт, а тут даже минутную передышку сделать не могли. При этом корма корабля опустилась до самой ватерлинии, и будь хотя бы маленькая волна, мы бы тут же пошли на дно кормить рыб.

Либерталия предстала нам на рассвете в небольшой гавани на северо-западной оконечности Мадагаскара. Со времени её основания там разрешалось вести беспрошленную торговлю, делать ремонт и просто пережидать непогоду. А началось всё с того, что лет сто назад, а может, и больше, рядом затонуло какое-то швейцарское корыто. Несколько матросов выбрались на берег бухты без малейшей надежды, что их кто-нибудь отсюда заберёт. Верховодить всем выбрали гарпунёра Миссона. Он и считается основателем Либерталии. Миссон провозгласил: «За Бога и свободу!», слова, ставшие девизом благословенной земли. Спасённые Божьим провидением соорудили флажок и подняли на него тельняшку. Уже потом кто-то нарисовал на ней лемура. Вот так и возникла эта свободная республика. Флаг её – маленькие бело-синие полосы с лемуром посередине.

Либерталию открыли для всех флагов и сделали абсолютно независимой территорией от всех метрополий. В ней не было англичан и французов, немцев или русских, индусов и арабов, негров и малайцев. Все жители стали либертанцами. Жила территория по своим законам, понятным морякам и одному Богу известно, кем написанным. А может, и не написанным. Только все знали, что ко всем нациям, религиям и моральям Либерталия соблюдала нейтралитет. За это её ненавидели французы. На Мадагаскаре они установили свои порядки и неоднократно пытались захватить свободную республику. Они много говорили о равенстве и братстве, а в действительности несли либертанцам рабство и угнетение. Англичане и другие тоже не лучшие. Только сколько бы французы и англичане ни нападали на Либерталию, её жителям всякий раз удавалось отстоять свою самостоятельность. Либерталию со стороны острова окружали высокие горы, непроходимые джунгли и неуступчивые племена дикарей, которые никого к себе не подпускали. Так что подобраться к республике со стороны суши было непросто.

Одно время в Либерталии предводительствовал Робер Сюркуф, легендарный корсар, который соорудил вокруг гавани что-то вроде крепостной стены и дважды отражал атаки арабских пиратов. Человек храбрый и в высшей степени справедливый, капитан знаменитого четырнадцатипушечного каперского судна «Кларисс», на котором в своё время гонял «американцев» по всему Индийскому океану. На его золотые построили первое и единственное каменное строение в республике – лепрозорий, – позднее сгоревшее вместе со всеми его обитателями от удара молнии. В Либерталии капитана Сюркуфа чтут как героя. Только что памятника не поставили, и где его могила, никто не знает. Да и где может быть могила у моряка, не иначе как в море...

Республика Либерталия – всего три десятка обычных хижин под пальмовыми листьями и столько же дощатых маленьких контор. Со стороны гор – узкая полоска вдоль бухты. Единственная улица – Бич-роуд. В центре – несколько трактиров, банк мистера Пайерса да два молельных дома – католиков и лютеран. Впрочем, вроде и мечеть строили, или что-то наподобие её, в этих делах плохо разбираюсь. Кому там они молятся: Магомеду или Будде? Арабы хоть и посещали Либерталию, считались редкими гостями. А в самом городке – сотни две «быков», то есть разных там матросов неопытных, да бродяг. Добавьте к ним грузчиков, ловцов жемчуга, менял, золотоискателей, романтиков... Имелось несколько плотников, при этом весьма умелых, два гробовщика – оба страшные пьяницы и драчуны. Работы парням хватало – честная поножовщина считалась в Либерталии в порядке вещей. При мне по

этой причине каждый день кого-нибудь хоронили. Гробовицики вкалывали как сумасшедшие. И дрались после этого... Служил в городке фонарицик. Здоровенный негр по имени Бой. Да, и фонарь-то имелся всего один – возле пристани. Бой зажигал его по большим праздникам.

Конечно, там, где мужчины, – ищи женщин. Молодые мулатки в Либерталии обретались у известного заведения красавицы мадмазель Абигайл. Единственной европейки и самой дорогой женщины Либерталии. Мне пришлось месяц работать, чтобы лишь раз прийти к ней в гости на ночь. А вот чем она занималась – вам знать необязательно. Красивая и гордая женщина! Настоящая басконка. Страстная, царапалась как дикая кошка!

Рабов в республике не было – это не позволялось неписаными законами республики. Поэтому арабы и обходили Либерталию стороной. По всему восточному побережью Африки, от Наталя до Кении, они занимались работорговлей. Все жители республики считались свободными людьми. Так что нищий грязный негр мог свободно сидеть в кабаке за одним столом с торговцем-португальцем или матросом-арабом, а владельца самого популярного трактира на Бич-роуд – китайца Линя следовало называть «господином».

Говорили граждане Либерталии на пиджин. Это язык такой, вам не понять. Откуда он взялся – никто толком не знает. В нём можно услышать слова разных народов: испанские и английские, немецкие и французские, арабские и малайские... Каким-то образом все друг друга понимали. У нас на корабле финн служил. Год с нами плавал, не знал ни слова по-английски и по-французски. Сам говорил, наподобие что птичка чирикает – разобрать никто не мог. Вот так лепетал по-своему, а никто не понимал, чего хочет. Всё равно что в команде глухонемой. Ох и мучались мы с ним. Несколько раз даже прогнать пытались с корабля. Когда стояли на рейде в Дурбане, сговорились между собой – уйти без него. Так он каким-то образом почувал и вообще не спускался на берег... Так вот, в Либерталии этот финн через неделю заговорил на пиджин так, что не остановишь. За день выговаривал всё, что намолчал за год.

Кем Либерталия управлялась в то время, что я там жил, никто не знал. Возможно, кем-то из трактирициков или пастырей. А может, всё в своих руках держала мадмазель Абигайл, которую жители республики признавали за жену, мать и сестру. Уж точно в своём авторитете не проигрывала пастырям! Да вообще, это и неважно, кто там в Либерталии правил. Я всегда мечтал жить в стране, не зная её царей. По мне, все эти короли и президенты на одно лицо. Все – тираны! Для меня самый лучший правитель – это шериф. В Либерталии его работу исполнял старый боцман – голландец Якоб-одноглазый. Огромного роста и недюжинной силы человек. Говорили, в прошлом он пират и промышлял на Сейшелах. Во время одной из стычек с арабами Якоб потерял глаз. С чёрной повязкой ходил; всегда пьяный. Но своим единственным глазом видел лучше, чем наши кайзер своими двумя. В Либерталии Якоба-одноглазого все уважали. Может, поэтому в республике порядок имелся.

В Либерталии мне пришлось задержаться. Сначала чтобы снабжать «Фризию» строительным лесом для ремонта. Таких богатых тропических лесов я не встречал нигде. Внизу, у подножья гор, располагались настоящие роци из баобабов! Только что их никто специально так не высаживал. Чудесным образом гигантские деревья сами выстраивались ровными рядами, словно живые разумные существа. А выше, в горах, в джунглях царил хаос. Всё так переплетено лианами, что без мачете шагу не сделаешь. Цветы там с человеческий рост! В непроходимых зарослях Мадагаскара я находил сандаловое и красное деревья.

От старости наше судно едва держалось на воде. Поэтому мы долго вымачивали якоря. Все джунгли разворошили – столько деревьев пришлось перетаскать! Плотникам не завидовали – им проще было бы построить новый корабль! Но как мы ни латали посудину, ничего не помогло. Так что всё время работали на дохлую лошадь, хотя бы хоть что-то получили! А так получается, что даже не за еду. Всё впустую. Потом, спустя пару лет, как я слышал, «Фризия» благополучно камнем ушла на дно вблизи Цейлона.

Ходил я вглубь острова и за провизией. Там посреди джунглей росло много разных фруктовых деревьев с диковинными плодами: яркими и вкусными. Здесь о таких никто не слышал. Вот можете себе представить шоколадное дерево или огромные плоды папайи? Вот ананасовое дерево, густо увешанное плодами, каждый из которых размером с арбуз! Бананы, само разумеется. Ещё личи, такие яркие, красные, с белой мякотью. Очень вкусные. Я собирал их большими корзинами или обменивал у местных. Туземцы ценили разные никчёмные безделушки, которые моряки привозили в больших количествах: медные кольца, зеркальца, мелкие монетки, гвозди, цветные ленточки. Особую ценность имели топоры, ножи, а за одно ружьё могли прикупить половину острова. Договаривались с дикарями непросто, но всё же они не такие агрессивные, как восточноафриканские племена, и при умении с ними можно было поладить. Мне повезло каким-то образом угодить их вождю. Тот держал в страхе всю округу, аж до восточного побережья острова, так что у меня проблем не возникало. Я даже одно время фирму открыл и снабжал строительными материалами и продовольствием другие суда и городские заведения, пока мою контору однажды не сожгли, а я не разорился. В конце концов пришлось покинуть Либерталию.

Но Мадагаскар – удивительный остров. Совсем непохож на наши земли. Большой и красивый. Полно разных зверей и птиц, самых что ни на есть сказочных. А какие горы – с водопадами и заснеженными вершинами. Волшебная земля. Эдем!

Там живут такие чудные зверьки – лемуры. Их больше нигде не встретишь. В дикой природе только там да на соседних Коморских островах, которые совсем небольшие. Мы перед Либерталией останавливались на Майотте, так её за день нетрудно обойти вдоль и поперёк. Лемуры там совсем мало, и живут они высоко в горах. А вот на Мадагаскаре их много, и поэтому этот остров ещё называют Лемурией. Эти зверьки не то кошки, не то обезьяны. Несколько вытянутые мордашки и длинные разноцветные хвосты – больше напоминают кошачьи, а туловище и лапы – обезьяны. Лемуры лазают по деревьям, и у них круглые, очень большие и светящиеся в темноте глаза. Да, чуть не забыл, ещё у них пронзительный, похожий на плач капризного ребёнка, голос. Иной раз слышишь, и так их жалко становится!

Первый раз я увидел лемура во время похода в горы, где мы заготавливали древесину для ремонта мачт. Я очень удивился, повстречав этих зверушек. Хорошо помню, как несколько лемурят сидели на большой ветке баобаба и смотрели на меня своими удивительными глазами. Это оказались рыжие вари. Редкий и красивейший вид! Шерсть у них чёрно-огненная. Видели бы вы, как она переливается под лучами тропического солнца!

В обычных условиях лемуры довольно пугливые и близко никого к себе не подпускают. Вы же знаете, люди бывают очень злыми. Я ведь многое в жизни повидал. Люди убивают не только животных, но и друг друга. Иногда из-за сущих пустяков. Вчера делили последний сухарь, а сегодня он тебе готов глотку перерезать. Я видел самых злых людей, которые охотились на лемура забавы ради. Это настоящее злодейство. Может, поэтому лемуры и боятся людей. Но когда я повстречал лемура, они меня не испугались. Мне удалось подойти к ним на расстояние вытянутой руки. Я рассматривал чудных зверьков, а они с любопытством смотрели на меня. Потом я много раз встречал их в джунглях Мадагаскара. Видел большие стаи. Иногда, в период засухи, когда в джунглях было мало еды, лемуры забредали в самую Либерталию и попрошайничали. Одного я даже приручил. Он не сразу стал доверять мне. Такой был маленький симпатичный котёнок с большим полосатым хвостом.

Хотел бы я ещё вернуться на Мадагаскар. Да вот прибило волной на этот берег, где нашёл своё личное счастье. Видимо, здесь теперь моя Либерталия...

4.

– А они не кусаются? – спросила Саша.

– Нет, пуговка! Этим лемуры не похожи на обезьян, которые коварные и могут сильно укусить исподтишка. Часто обезьяны стаями нападают на людей. Особенно злые мартышки. Вот, смотри, у меня на локте остались следы укуса одной из них, – Ханк закатал рукав рубахи и показал большой рубец. – Обезьяны – хитрющие и плохие, а лемуры добрые. Маленькие лемурчики – как настоящие котятки.

Свирепое лицо старого моряка испарилось, в глазах заиграли искры – ну точно как у ребёнка! Клеменс и Саша переглянулись.

– Вот и этот лемурчик, что жил у меня, брал еду из рук и давал себя гладить. Мне он очень нравился, ласковый и симпатичный котёнок. Только что не мяукал, а жалобно «пел», словно жаловался на что-то. Даже не то чтобы жаловался, а скорее капризничал. Или что-то выпрашивал. Даже не знаю, как это объяснить. В комнате у меня стояло плетёное кресло-качалка. Так вот он приноровился спать на нём. Днём лемурчик лазил по окрестным деревьям, а ночью приходил ко мне домой. Я утром просыпаюсь, а лемурчик спит на своём месте в качалке. Иногда случалось, заберётся мне на спину или спокойно сидит на плече... Я даже хотел поводок сделать для него... Только животных нехорошо держать на цепи, точно заключённых. Они рождены свободными. Когда уезжал из Либерталии, хотел забрать лемурчика с собой. Так привязался к нему.

– И почему, дедушка, ты его не взял? – в голосе девочки слышался укор.

– Дело в том, что я был вынужден спешно покинуть Либерталию. Сидел на месте и ни о чём не помышлял, а тут вот выдалась такая оказия... Попутный ветер погнал дальше. Тогда собрался за полдня и ушёл в море на проходящей шхуне. Мне и вещи-то свои забрать не удалось. Всё пришлось бросить. А всё потому, что шхуна торопилась на черепаший промысел на Альдабру. Это такой коралловый атолл недалеко от Мадагаскара. Туда всего дня два ходу при хорошем попутном ветре. Люди на Альдабре не живут, а черепах множество. Там, на белоснежных пляжах, они собираются со всего Индийского океана откладывать яйца. Черепахи – это лучшая еда для моряка; мясо у них нежное. У нас их называли живыми консервами. Черепахи на кораблях могут долгое время обходиться без еды и воды. Ими набивали трюмы и питались по мере необходимости. А на рынке – в Адене или Бомбее – ценились черепаший панцири. Из них делали разные ювелирные и прочие штучки для женщин: гребешки, браслеты. Каюсь, на деньги соблазнился. Мне тогда большие деньги пообещали. На Альдабре черепах сотни тысяч. На промысел собирались десятки судов со всей Восточной Африки. Ради промысла войны прекращали. Добычи хватало всем.

Когда отправились на Альдабру, думал, что наберём черепах и быстро вернёмся, а получилось совсем иначе. Почти сразу наткнулись на пиратов. Этим черепахи не нужны, они на корабль наш позарились. Может, выкуп хотели получить. Ночью тихо подплыли и закинули абордажную кошку, якорь такой. Хорошо, вахтенный не спал, быстро нас поднял. В общем, едва отбились. Пиратам обидно стало, что их атака сорвалась, вот и погнали нас в сторону Занзибара. Дальше уже без денег возвращаться не хотелось, и мы с грузом пряностей отправились в Аден. Ну и – пошло-поехало. В конце концов застряли на Сокотре. Это жуть какое жаркое и совершенно безлюдное место. Думали заработать и насладиться черепашим мясом, а пришлось сушить вёсла и жевать корицу. Вот так! Как говорится: в море дорог много, и никогда не угадаешь, в какую сторону тебя позовёт попутный ветер. Так я на Мадагаскар уже и не вернулся. Я сам об этом жалею.

– А как ты звал лемурчика? – поинтересовалась Саша.

– Я ему дал имя – Ослик.

– Разве лемуры похожи на осликов? – вмешался Клеменс.

– Совсем не похожи. Только «Ослик» на морском языке означает старший матрос. Лемурчик был при мне как морской товарищ. И хвост у него самый настоящий матросский – полосатый, словно тельняшка. Вот поэтому так и звал. Настоящий корабельный «ослик».

– Жалко, что ты его не привёз. Лемурчик жил бы сейчас с нами, – Саша посмотрела на моряка грустными глазами. – Я бы за ним ухаживала. Ему было бы хорошо.

– Не думаю. Лемуры любят тепло и южные фрукты. Им подавай манго и бананы. И вообще с тех пор прошло много лет. Я после ещё много стран объездил. Останавливался в Персии, на Яве и Тиморе. Тонул несколько раз. Даже как-то в Австралию занесло. Вот уж где натерпелся страхов, так это там – в Порт-Эссингтоне. На землю ногу не поставишь, чтобы не наступил на крокодила или змею. Их там великое множество.

– Как черепах на Альдабре? – испугалась Саша.

– Даже больше! К тому же в это время там свирепствовали эпидемии. Почти все жители городка поумирали на моих глазах. Я едва ли не единственный, кто, оказавшись в Эссингтоне, вырвался из этого ада. Таков рок моряка. Ах да, ты спросила про лемурчика. В здешних местах он бы замёрз. Солнышко любит. А потом посмотри на себя: ты сама как настоящий лемурчик! – засмеялся старый моряк.

– Это точно! – подтвердил Клеменс. – Лемурчик, лемурчик!

– Ты дразнишься?

– Что ты! – возразил мальчишка.

– Не обижайся на него. Он же по-доброму! – заступился за Клеменса старина Ханк.

– А я и не думала обижаться. Я знаю, что Клеменс хороший. Он мой лучший друг.

– И ты мой лучший друг!

– Да оба вы – лемуры! – засмеялся старый контрабандист Ханк.

– А что?! – Клеменс подмигнул Саше.

– Мы – лемуры, мы – лемуры! – стали распевать дети.

За их спинами стояла довольная Хельга. Она смотрела на веселящихся детей и улыбалась. И тут на минуточку ей привиделось, что это не Ханк с детьми сидит на скамье, а три странных зверька с длинными полосатыми хвостами...

5.

Господин Георг за письменным столом разбирал деловые бумаги. Всё сегодняшнее утро что-то мешало его работе, не давало сосредоточиться. Вот и сейчас он нечаянно испачкал пальцы чёрной калёйкой, достал чистую салфетку и стал аккуратно вытирать краску. Работа адвоката не допускала неряшливости. В это время со спины к нему подошёл младший сын. Скрипнула половица, и господин Георг вздрогнул.

– Да, да... это ты, – произнёс он как-то неопределённо, обернувшись.

– Отец, мне нужна твоя помощь, – мальчишка выглядел так, словно что-то случилось серьёзное.

Господину Георгу это показалось странным. Поэтому он отложил бумаги в сторону и приготовился слушать. Адвокат не помнил, когда младший сын о чём-то просил.

– Что ты знаешь о лемурах? – неожиданно спросил Клеменс.

– О чём, о чём? – удивился отец. Он чуть не поперхнулся и вопросительно посмотрел на сына, ожидая продолжения. Только Клеменс молчал.

– Что это такое – лемуры? Это что, векселя или платежи такие? Нет, камни? – попробовал уточнить господин Георг.

– Всё понятно... Значит, ничего не знаешь.

– Что за глупости ты говоришь? Чем забита твоя голова? – отец отложил бумаги и строго посмотрел на Клеменса. – И что может быть такое, о чём я не могу знать?

– Я просто спросил. Мне интересно.

– А мне вот что интересно: тебе четырнадцать лет, скоро исполнится пятнадцать. Пора пристраиваться к делу. Но тебе даже самую простую работу нельзя поручить! В гимназии на тебя жалуются учителя. Тебя и в этом году не переведут в следующий класс, а ты думаешь о каких-то камнях или какой-то другой ерунде.

– Это совсем не камни. Боюсь, папа, что ты не поймёшь.

Подошла Ханна. Женщина услышала громкий разговор между отцом и сыном и была сильно удручена. Вероятно, она хотела поддержать мужа, но тот распалился настолько, что не дал жене и рта открыть.

– А я хочу, чтобы ты кое-что понял! Ты почти не бываешь дома, – голос адвоката становился угрожающим, – ничем полезным не хочешь заниматься. Вот и вчера весь день пропал неизвестно где. Ты опять ходил к этим бродягам?

– Я не понимаю, о ком ты говоришь?

– Всё ты прекрасно понимаешь! Этим своим знакомством ты позоришь семью. Я – уважаемый человек в городе. Адвокат должен обладать безупречной репутацией. Мне доверяют свои дела влиятельные люди. И твой старший брат тоже думает о репутации.

– Раз так, то понятно...

– Ты брось это! Не смей! – почти взревел Георг. – Я не позволю говорить со мной в подобном тоне!

– Вообще-то я просто хотел узнать. В моём вопросе не было ничего обидного. Неужели я не могу спросить тебя о том, что мне интересно? А с кем мне дружить, это как-нибудь я сам решу.

Георг кипел от ярости, хотя подобного проявления чувств он никогда себе не позволял. Обычно он подавал пример сдержанности, и, казалось, ничто не может вывести его из равновесия.

– Сколько ещё можно терпеть такое поведение? – рассуждал адвокат о поступках младшего сына. Он повернулся к жене и продолжил: – Клеменсу пора пристраиваться к ремеслу, добытому великими трудами. К ремеслу почётному и важному, что кормит всю нашу семью.

Но твой сын, как нарочно, демонстрирует полное презрение к делу, которым занимаются отец и старший брат. Да ещё этот морской бродяга Ханк со своим непутёвым семейством!

Ханна покачала головой:

– Георг! Ты только не нервничай!

– Как не нервничать?! – ещё больше распаялся отец. – Ему надо, надо... Что вместо этого он делает? Вчера я принимал дома владельца торгового дома господина Шульца, а мой младший сын пришёл домой грязный и оборванный.

– Просто попал под дождь, – попытался оправдаться Клеменс, но Ханна тут же замахала на него руками: «Молчи, молчи!»

Обычно спокойный, немногословный адвокат раскраснелся и просто закипал от негодования. Никто прежде не видел его таким. Даже в самых сложных судебных делах господин Георг не терял самообладания.

Они так и стояли в боевых позах друг напротив друга, и неизвестно, чем бы всё закончилось, но Ханна, не выдержав, вмешалась и развела отца и отпрыска в разные стороны. Ей самой было горько от поведения сына, но что тут поделаешь?

Клеменс воспользовался предоставленным шансом, быстро собрал учебники и тетради в портфель и отправился в гимназию. Следовало поторопиться, пока отец не опомнился и не продолжил неприятный для Клеменса разговор.

– Какой я всё же дурак! Зачем надо было мне спрашивать отца о лемурах?! – сокрушался Клеменс.

6.

Как всегда, уроки проходили скучно. Беседа с отцом не прошла даром – Клеменс старался быть почтительным с учителями и лишний раз их не раздражать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.